

какія трудности и преграды были представляемы миссіонерамъ самымъ разнообразіемъ кавказскихъ племенъ.

Переходя къ главному предмету своего сочиненія— исторіи миссіонерства на Кавказъ и за Кавказомъ, авторъ различаетъ въ этой исторіи два періода, которые даютъ основаніе для раздѣленія сочиненія на двѣ части: 1) дѣятельность такъ называемой Осетинской комиссіи и учрежденій, замѣнявшихъ ее, съ 1746 г. по 1860 г. и 2) дѣятельность общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказъ съ 1860 г.

Въ первой части излагается исторія Осетинской миссіи (учрежденной при имп. Елизаветѣ въ 1746 г.) подъ управленіемъ сначала архіепископа манглійскаго Іоанна, пребывавшаго въ Кизлярѣ, за тѣмъ архимандрита Пахомія (до 1767), игумена Григорія, архимандрита Порфирія (до 1771 г.), протоіерея Аѳанасія Лебедева (1771—93) и наконецъ Гаія Токаова епископа моздокскаго и маджарскаго (1793—99). Въ 1799 г. епископія моздокская была закрыта и дѣятельность миссіонерства на Кавказъ прекратилась слишкомъ на 10 лѣтъ. Новый толчекъ къ возрожденію миссіонерства на Кавказъ далъ генералъ Тормасовъ своимъ предложеніемъ (1811 г.) допустить между горскими народами католическую—или въ частности іезуитскую—пропаганду, чтобы отвратить ихъ отъ магометанства. На докладъ Тормасова Государь написалъ: *отыскать способныхъ миссіонеровъ въ греческомъ исповѣданіи*. Во исполненіе Высочайшей воли духовнымъ правительствомъ снова было обращено вниманіе на Кавказскую миссію и первымъ дѣтелемъ возрожденнаго миссіонерства былъ грузинскій архимандритъ (потомъ архіепископъ) Досіеѣй, полагавшій основною своей дѣятельности отобраніе новообращаемыхъ горцевъ изъ подъ власти частныхъ владѣльцевъ. Такъ какъ миссіонерство арх. Досіеѣя затрогивало многіе частные интересы, то скоро (1817 г.) онъ былъ отозванъ. Его дѣло продолжалъ

Протоколы.

новый экзархъ Грузіи Теофилактъ Русановъ (1817—1821) уже на новыхъ основаніяхъ, внушая миссіонерамъ въ разбирательство мірскихъ дѣлъ не входить и никакой власти не колебать ни явными ни тайными внушеніями, такъ какъ и самъ Спаситель, живя на землѣ, никакого рода правленія не охуждалъ, ни чьихъ правъ собственности не касался. Церковная статистика показываетъ, что при м. Теофилактѣ обращенныхъ ко Христу горцевъ было 36.875 человекъ въ 44 приходахъ. Плодотворную дѣятельность экзарха Теофилакта продолжалъ и преемникъ его экзархъ Іона.— Но съ 1827 г. Кавказскіе акты оставляютъ нашего автора и, не имѣя возможности слѣдить дальнѣйшую исторію миссіи до 1860 г., онъ заканчиваетъ 1-ю часть сочиненія общимъ очеркомъ препятствій успѣшному ходу миссіи, между коими полагаетъ во 1-хъ мюридизмъ, т. е. фанатическое ученіе о священной войнѣ за магометанскую вѣру и во 2-хъ нѣкоторое соперничество христіанскихъ миссіонеровъ инославныхъ: капуциновъ, іезуитовъ и шотландскихъ миссіонеровъ.

Во 2-й части авторъ излагаетъ исторію открытія общества возстановленія правъ христіанства на Кавказѣ—и его дѣятельность за первые десять лѣтъ (1860—70), рассматривая дѣятельность общества а) собственно церковную (устройство храмовъ, заботы о духовенствѣ, переводы свящ. книгъ) и б) вообще просвѣтительную (устройство училищъ). Нѣкоторыя замѣчанія автора, напр. объ абхазской и сванетской азбукѣ таковы, что ихъ могъ сдѣлать только человекъ, близко знакомый съ краемъ.—Вообще сочиненіе весьма удовлетворительное (4½).

Отзывы приватъ-доцента Ст. Голубева: а) о сочиненіи студ. Александра Розова подъ заглавіемъ „Отношеніе православныхъ южно-русцевъ къ протестантамъ въ XVI и первой половинѣ XVII ст.“

„Протестанство щеголяло многознаніемъ и богатствомъ умственного развитія, православіе же (т. е. православные

южно-руссы) въ концѣ XVI стол. страдало скудостію умственнаго развитія“. Поэтому, по мнѣнію нашего автора, „православіе унижало себя въ глазахъ своихъ послѣдователей, охлаждало ихъ къ себѣ и чрезъ это облегчало въ свою среду наплывъ протестанскихъ идей, сближало южно-русцевъ съ протестантами, которые хорошими сторонами своей религіозной дѣятельности—высокою ученостію, усердіемъ къ изученію слова Божія и твореній отеческихъ и не утомимымъ проповѣдничествомъ,—вызывали сочувствіе даже въ строгихъ ревнителяхъ православія“. Другая—и замѣтимъ болѣе основательная,—причина добрыхъ отношеній православныхъ къ протестантамъ въ юго-западной Руси заключалась въ условіяхъ жизни тѣхъ и другихъ. Римско-католическое правительство польской короны враждебно относилось къ своимъ подданнымъ, не исповѣдывавшимъ господствующей религіи, и всячески угнетало ихъ. Нападенія со стороны папистовъ на диссидентовъ, т. е. протестантовъ и православныхъ, обобщали интересъ лицъ, подвергавшихся преслѣдованіямъ: диссиденты тѣснѣ сплотились и рука объ руку пошли на защиту правъ и свободы вѣроисповѣданія.—Указавши, такимъ образомъ, на причины добрыхъ отношеній между протестантами и православными, авторъ довольно подробно излагаетъ затѣмъ исторію самыхъ отношеній, при чемъ пособіями и источниками для него, главнымъ образомъ, служатъ сочиненія Венгерскаго, Лукашевича, Кояловича, Васильевскаго, дневникъ Радзивилла, акты изданныя Виленскою Археографическою коммиссіею, а также нѣкоторые (хотя и немногіе) рукописные документы, извлеченные изъ имп. публичной библіотеки. Въ своемъ изслѣдованіи авторъ строго различаетъ сношенія православныхъ съ протестантами, имѣвшія религіозный оттѣнокъ, отъ сношеній, веденныхъ на нейтральной для догматики почвѣ политической. Первые—говоритъ авторъ—не могутъ быть оправданы съ нашей точки зрѣнія, потому что такого рода сближенія вреднымъ образомъ отзывались на многихъ пра-

вославныхъ, внося въ ихъ міросозерцаніе протестантскіе идеи; въ подтвержденіе чего авторъ указываетъ на нѣкоторыя сочиненія православныхъ южно-русскихъ писателей того времени, гдѣ нерѣдко можно встрѣтить мнѣнія протестантскія. Даже знаменитый Апокрисисъ, который, по общему мнѣнію, проникнутъ пламенною любовію къ православной церкви,—нашъ авторъ относитъ къ сочиненіямъ, долгое время не незаслуженно пользовавшимся уваженіемъ южно-русскаго народонаселенія.—Что касается до политическихъ союзовъ диссидентовъ, то они были благодѣтельны для православія, такъ какъ, благодаря энергическому содѣйствію протестантовъ, польское правительство не разъ издавало конституціи, ограждавшія права и привилегіи православной церкви. Особенно въ данномъ случаѣ полезенъ былъ союзъ между обѣими сторонами, заключенный по смерти Сигизмунда Ш, когда на конвокаціонномъ и избирательномъ сеймахъ, благодаря совокупнымъ усиліямъ православныхъ и протестантовъ, почти вполне восстановлены были права православнаго южно-русскаго народоселенія. Но тѣмъ не менѣе и означенные политическіе союзы имѣли свою печальную сторону, принесшую не мало вреда православію, потому что они, по замѣчанію нашего автора, всегда служили для латино-унитовъ поводомъ смущать немощную совѣсть многихъ православныхъ, воспѣвать плачевныя гимны о гибели православія, будто бы окончательно поглощаемого протестантизмомъ. „Вообще—говоритъ въ заключеніе авторъ—оцѣнивая всѣ отношенія православныхъ южно-русцевъ къ протестантамъ и ихъ слѣдствія, мы приходимъ къ тому несомнѣнному заключенію, что онѣ принесли православному несравненно больше вреда, чѣмъ пользы».

Сочиненіе г. Розова не чуждо нѣкоторыхъ крайностей въ выводахъ; но этотъ недостатокъ можно извинить автору за тщательное, добросовѣстное изученіе источниковъ и систематическое изложеніе въ пзобиліи собраннаго мате-

ріала. Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе очень удовлетворительно (4 $\frac{1}{2}$).

б) *О сочиненіи студ. Ивана Макаревича*, подъ заглавіемъ: „Исслѣдованіе объ Антиррисисѣ, историко-полемическомъ сочиненіи, направленномъ противъ Апокрисиса Христофора Филалета“.

„Свое исслѣдованіе объ Антиррисисѣ г. Макаревичъ начинаетъ выясненіемъ причинъ вызвавшихъ и поддерживавшихъ въ юго-западной Руси (въ XVI и XVII стол.) литературную полемику изъ за религіозныхъ вопросовъ. Затѣмъ, указавши на основной характеръ этой полемики и перечисливши наиболѣе выдающіеся памятники оной до начала XVIII столѣтія, авторъ останавливаетъ свое вниманіе на Апокрисисѣ Филалета, какъ сочиненіи вызвавшемъ появленіе рассматриваемой имъ книги (Антиррисиса). Пользуясь статью П. И. Малышевскаго, помѣщенною въ качествѣ предисловія къ Апокрисису въ переводѣ на русскій языкъ, исслѣдованіемъ объ Апокрисисѣ г. Скабалановича и библіографическими замѣчаніями о старопечатныхъ книгахъ XVI и XVII стол.,— г. Макаревичъ сообщаетъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія объ означенномъ памятникѣ, при чемъ, рассматривая противоположныя мнѣнія о вѣроисповѣданіи, къ которому принадлежалъ Христофоръ Филалетъ, не безъ основанія становится на сторону тѣхъ писателей, которые видѣли въ авторѣ Апокрисиса протестанта, писавшаго свое сочиненіе по порученію извѣстнаго ревнителя православія князя К. К. Острожскаго. На этомъ авторъ заканчиваетъ первую часть своего труда. Далѣе идетъ исслѣдованіе объ Антиррисисѣ; оно распадается на слѣдующіе два отдѣла:

1) *Библіографическія свѣдѣнія объ Антиррисисѣ*. Здѣсь авторъ говоритъ объ изданіяхъ памятника, языкѣ, на которомъ онъ первоначально былъ написанъ, и личности составителя. Относительно послѣдняго г. Макаревичъ вступаетъ въ полемику съ Скабалановичемъ, высказавшимъ

мнѣніе, что составителемъ Антиррисиса былъ униатскій епископъ (впослѣдствіи митрополитъ) Іпатій Поцѣй; основываясь на нѣкоторыхъ мѣстахъ памятника, нашъ авторъ фактически доказываетъ, что означенное сочиненіе не могло принадлежать перу Поцѣя, а всего вѣроятнѣе составлено было корцирскимъ грекомъ Петромъ Аркудіемъ, какъ это заявлено было еще Стебельскимъ.

П) *Изслѣдованіе о внутреннемъ характерѣ Антиррисиса и анализъ его содержанія.* Здѣсь авторъ сначала говоритъ о цѣли написанія разсматриваемаго памятника, состоящей въ желаніи парализировать громадное вліяніе, произведенное въ средѣ южно-русцевъ изданіемъ Апокрисиса, и объ его *научномъ достоинствѣ*, заключающемся въ обиліи находящагося здѣсь историческаго матеріала, хотя большею частію и не вѣрно освѣщеннаго; за тѣмъ довольно подробно излагаетъ самое содержаніе Антиррисиса въ связи съ содержаніемъ опровергаемаго въ немъ Апокрисиса. Этотъ послѣдній отдѣлъ въ сочиненіи составленъ наиболѣе тщательно. Въ упрекъ автору можно поставить только то, что онъ, сопоставляя между собою историческіе факты, заключающіеся въ Апокрисисѣ и Антиррисисѣ, факты почти всегда освѣщенные въ одномъ изъ означенныхъ памятниковъ иначе, чѣмъ въ другомъ, рѣдко относится къ нимъ критически, оставляя читателя въ недоумѣніи—на чей сторонѣ правда?

Въ общемъ, сочиненіе г. Макаревича, свидѣтельствуя о трудолюбіи автора и его навыкѣ къ историческимъ работамъ, заслуживаетъ очень хорошей похвалы и потому для полученія степени кандидата богословія удовлетворительно (4 $\frac{1}{2}$)^а.

В. Церковно-практическаго отдѣленія отъ 2 іюня: „Въ заведеніи комиссіи церковно-практическаго отдѣленія 2 іюня 1879 года разсматриваемы были сочиненія представленныя

на степень кандидата студентами III курса церковно-практическаго отдѣленія:

- 1) Василиємъ Нарбековымъ на тему: „проповѣди св. Ефрема Сирина“.
- 2) Иваномъ Нарциссовымъ на тему: „Историко-критическій обзоръ руководствъ и пособій къ изученію пастырскаго богословія, существующихъ въ русской литературѣ“.
- 3) Василиємъ Тимоѣевымъ на тему: „Идеаль дравне-русскаго челоуѣка по отеческимъ поученіямъ“.
- 4) Иваномъ Григоровичемъ на тему: „Предисловія къ южно-русскимъ церковно-славянскимъ книгамъ XVII в.“
- 5) Павломъ Горностаевымъ на тему: „Болгарскій элементъ въ русской литературѣ“.
- 6) Даниломъ Понятовскимъ на тему: „Постановленія Московскаго собора 1667 года и ихъ значеніе въ исторіи русскаго церковнаго законодательства“.
- 7) Александромъ Орловымъ на тему: „Разговоръ Фенелона о краснорѣчіи“.
- 8) Петромъ Фиделинымъ на тему: „Священникъ въ семейной и общественной жизни“.

По разсмотрѣніи означенныхъ сочиненій и по выслушаніи подробныхъ отзывовъ о сочиненіяхъ Нарбекова и Нарцисова профессора Цвѣницкаго, о сочиненіяхъ Тимоѣева, Григоровича и Горностаева профессора Петрова, о сочиненіи Понятовскаго профессора Лашкарева, о сочиненіи Орлова доцента Малинина, о сочиненіи Петра Фиделина доцента Дроздова, коммиссія мнѣніемъ постановила: признать всѣ сочиненія упомянутыхъ студентовъ удовлетворительными для степени кандидата“.

Рецензіи ординарнаго профессора Вас. Цвѣницкаго: а) на сочиненіе студ. *Василія Нарбекова* на тему: „Проповѣди святаго Ефрема Сирина“.

„Сочиненіе, посвященное изслѣдованію проповѣдей св. Ефрема Сирина, не ограничивается имъ одними. Въ видахъ

большаго уясненія своего предмета, авторъ расширилъ задачу, имъ на себя взятую, и свое изслѣдованіе раздѣлилъ на четыре части, изъ которыхъ двѣ первыя не должны имѣть равномѣрнаго значенія съ двумя остальными.

Планъ сочиненія слѣдующій: послѣ общаго опредѣленія значенія Ефрема Сирина въ исторіи христіанской письменности и указанія достоинства его, какъ писателя, авторъ 1) рассказываетъ жизнь св. Ефрема Сирина, главнымъ образомъ на основаніи его собственныхъ твореній, 2) даетъ свѣдѣнія о его образованіи и представляетъ характеристику св. отца. То и другое, т. е., біографія и характеристика св. Ефрема, вводится авторомъ въ сочиненіе съ тѣмъ, чтобы здѣсь найти и указать данныя для уясненія свойства его проповѣдей, хотя нельзя сказать, чтобы въ этомъ случаѣ авторъ твердо держался преднамѣренной цѣли. Біографія Ефрема Сирина рассказана вполнѣ удовлетворительно; а характеристика св. отца не погрѣшаетъ противъ истины, но не обнаруживаетъ мастерской руки художника...

Проповѣдями Ефрема Сирина занимаются собственно части III и IV. Въ третьей части авторъ разсматриваетъ проповѣди св. отца со стороны ихъ содержанія, а въ четвертой со стороны ихъ внѣшней формы. Въ третьей части разбору содержанія проповѣдей авторъ предпосылаетъ нѣсколько словъ о первоначальномъ текстѣ, переводахъ и изданіяхъ ихъ и о подлинности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Всѣ проповѣди св. Ефрема раздѣлены авторомъ на двѣ категоріи: на проповѣди догматическія и нравоучительныя. При разборѣ первыхъ, авторъ упоминаетъ объ ересь, волновавшихъ эдесскую церковь во время жизни св. Ефрема, противъ которыхъ его проповѣдникъ долженъ былъ направлять свое слово, и за тѣмъ перечисляетъ проповѣди, кажушіяся ему наиболѣе замѣчательными, представляя при этомъ краткій анализъ содержанія каждой изъ нихъ, и въ концѣ такой разборъ догматическихъ проповѣдей Ефрема

сопровождаетъ замѣчаніемъ (развитымъ не очень достаточно) объ отличительномъ характерѣ богословствованія св. Ефрема. Переходя къ разбору нравоучительныхъ проповѣдей Ефрема, послѣ краткой замѣтки объ ихъ содержаніи и направленіи вообще, авторъ подробно разсматриваетъ слова а) увѣщательныя и подвижническія, б) умилительныя, и в) похвальные. Раздѣленіе, выставленное авторомъ, не вполне удачно; такъ какъ слова первыхъ двухъ разрядовъ нерѣдко сливаются между собою, а слова похвальные не подходятъ подъ одно начало дѣленія съ словами подвижническими и умилительными. Разборъ словъ весь сосредоточивается въ указаніи ихъ содержанія, рѣдко подробномъ, а большею частію краткомъ. Въ четвертой части, при опредѣленіи виѣшней формы проповѣдей Ефрема, авторъ не успѣлъ развить съ полною отчетливостію свои мысли, и своеобразный оригинальный характеръ проповѣдничества св. Ефрема освѣщенъ имъ довольно тускло: сдѣлавши краткое замѣчаніе объ образѣ изложенія въ проповѣдяхъ св. Ефрема, авторъ представляетъ два примѣра изъ его проповѣдей, и тѣмъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе.

Изъ сочиненія автора видно, что онъ усердно изучалъ предметъ свой. Изслѣдованіе его отличается достаточною полнотою и даетъ о проповѣдникѣ довольно ясное представленіе. Мыслию и перомъ авторъ владѣетъ хорошо и обнаруживаетъ способность къ ученой работѣ. Для степени кандидата сочиненіе можетъ быть признано удовлетворительнымъ“.

б) О сочиненіи студ. *Ивана Нарциссова*: „Историко-критическій обзоръ руководствъ и пособій къ изученію пастырскаго богословія, существующихъ въ русской литературѣ“.

„Авторъ поставилъ своею задачею историко-критически обозрѣть руководства и пособія къ изученію пастырскаго богословія, существующія въ русской литературѣ.

Вступительная часть его сочинения представляет отрывочныя и не вполне обстоятельныя свѣдѣнія о сочиненіяхъ, касающихся пастырскаго служенія, какія являлись въ древній періодъ русской исторіи, до XVIII вѣка. Въ самомъ изслѣдованіи онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на произведеніяхъ, явившихся въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ, начиная отъ духовнаго регламента и кончая письмами по православно-пастырскому богословію Евгенія Попова. Ограничивая объемъ избраннаго предмета, авторъ въ концѣ вступленія оговаривается далѣе, что онъ не можетъ обзорѣвать подпадающія его вниманію сочиненія историко-прагматически и уяснять связь и отношенія между предшествовавшими и послѣдующими твореніями, а будетъ разсматривать ихъ отдѣльно въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ разсмотрѣніи руководствъ и пособій по пастырскому богословію авторъ даетъ анализъ содержанія двѣнадцати сочиненій, имѣющихъ значеніе въ исторіи русскаго пастырскаго богословія, и послѣ анализа cadaго сочиненія представляетъ краткія критическія замѣтки о достоинствахъ ихъ. Анализъ содержанія сочиненія сдѣланъ авторомъ удовлетворительно, и по отношенію къ инымъ сочиненіямъ, на примѣръ къ книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ и къ письмамъ по православно—пастырскому богословію Попова, очень подробно. Но критическія замѣтки очень блѣдны, невѣски и общи.

Мысль у автора не сильная; но знанія довольно, и видно умѣнье владѣть перомъ. Для степени кандидата сочиненіе можетъ быть признано достаточнымъ“.

Отзывы ординарнаго профессора Ник. Петрова: а) о сочиненіи студ. Василія Тимовеева, подъ заглавіемъ „Идеалъ жизни древне-русскаго человѣка по отеческимъ поученіямъ“.

„Жизнь древне-русскаго человѣка авторъ ограничиваетъ предѣлами времени отъ начала христіанства въ Россіи до XVII вѣка, т. е. тѣмъ осмивѣковымъ періодомъ,

огда Россія находилась подъ вліяніемъ Византіи и жила исключительно жизнію вѣры. Духовенство въ это время имѣло заправляющее вліяніе на жизнь государственную и народную и воздѣйствовало на нее преимущественно путемъ проповѣди, понимаемой въ обширномъ смыслѣ этого слова. Хотя эта проповѣдь находилась подъ сильнымъ вліяніемъ византійскимъ; но она принимала сильную національную окраску, примѣнительно къ потребностямъ русской жизни, и, вмѣсто научно-истолковательнаго характера, какимъ отличалась въ Византіи, получила характеръ нравственно-практическій, дѣловой, претендующій на преобразование полуязыческой русской жизни по христіанскимъ началамъ, чего и достигала въ значительной степени. Такимъ образомъ, главнымъ содержаніемъ древне-русской проповѣди былъ христіанскій идеалъ, изображаемый примѣнительно къ обстановкѣ русской жизни и потому нерѣдко находившій въ ней свое осуществленіе. Соствѣтственно этому, изслѣдованіе автора раздѣлено на три части: въ первой говорится о темныхъ сторонахъ религіозно-нравственнаго состоянія русскаго народа въ древній періодъ его жизни, какъ о неблагопріятной почвѣ для созданія и осуществленія въ жизни христіанскаго идеала; вторая часть рисуеъ тотъ самый идеалъ въ его примѣненіи къ условіямъ русской жизни, въ третьей говорится о томъ, насколько этотъ идеалъ проникнулъ въ жизнь народа и осуществился въ ней. Темныя стороны древне-русской жизни, препятствовавшія осуществленію въ ней христіанскаго идеала, составляли двоевѣріе и низшій уровень нравственнаго и общественнаго развитія. Принявъ христіанство, предки наши на первыхъ порахъ продолжали вѣрить прежнимъ языческимъ божествамъ, а впослѣдствіи придерживались различныхъ суевѣрій и примѣтъ, еще больше поддерживаемыхъ апокрифической литературой восточнаго и западнаго происхожденія. А безъ свѣта религіи не могло быть и доброй нравственности и правильныхъ общественныхъ отношеній. Поэтому, рядомъ

съ двоевѣріемъ жизни древнерусскаго человѣка старинныя поученія обличаютъ грубыя стремленія и пороки и противообщественныя грѣхи, какъ то: пьянство, обжорство, развратъ, самоуправство, гордость своеволіе, сварливость и проч., принимавшіе иногда специфическіе оттѣнки, судя по общественному и семейному положенію страдающихъ этими недостатками лицъ. Особенно обличаются въ древнихъ поученіяхъ несправедливости со стороны князей и влстелей и семейный деспотизмъ. Такое непроходимое религіозное невѣжество, такія проявленія грубой и порочной силы требовали и сильнаго лекарства. Грубымъ нравамъ народа нужно было противопоставить высокія правила вѣры, грубой физической силѣ—силу нравственную. Поэтому древнерусскія поученія съ одной стороны предлагаютъ преимущественно религіозно-обрядовыя наставленія, примѣнительно къ развитію слушателей, съ другой—противопоставляютъ грубой чувственной силѣ—аскетизмъ, какъ сильное лекарство противъ застарѣлой болѣзни, и требуютъ отъ своихъ слушателей строго христіанской монашеской жизни. Въ общихъ чертахъ, эти поученія касаются обязанностей человѣка—христіанина по отношенію къ Богу, ближнимъ и самому себѣ, рекомендуя противоядіе тѣмъ недостаткамъ и порокамъ древне-русскаго человѣка, какіе изображены въ первой части сочиненія. Напримѣръ—для обузданія тѣлесныхъ страстей предлагается постъ; неправеднымъ стяжателямъ имѣнія совѣтуется милостыня, и проч. Но, кромѣ общехристіанскихъ обязанностей,—древне-русскія поученія нерѣдко выясняли особыя обязанности лицъ извѣстнаго званія и состоянія, напр. князей, влстелей, духовныхъ, богатыхъ и убогихъ, рабовъ и свободныхъ, членовъ семьи, и проч. И всѣ эти поученія и наставленія, рисующія идеалъ христіанской жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ и съ различныхъ сторонъ, не оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и получали практическое примѣненіе какъ въ народныхъ массахъ, такъ особенно въ лучшихъ представите-

ляхъ древне-русской жизни. Въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія представляется въ сочиненіи значительное число фактовъ. Представленный эскизъ разсматриваемаго сочиненія, хотя и блѣдный, можетъ дать понятіе о томъ, что общій планъ сочиненія довольно полонъ и обстоятеленъ: главный предметъ сочиненія раскрытъ въ естественной связи съ предшествующими и послѣдующими обстоятельствами, и притомъ раскрытъ весьма логически. Логическій строй сочиненія закрываетъ собою извѣстную долю компилятивности, оправдываемой, однако, широтою темы. Всякое заимствование сводится у автора къ одной объединяющей мысли и въ ней находитъ свое освѣщеніе и оправданіе. Вообще сочиненіе можно назвать очень удовлетворительнымъ“.

б) *О сочиненіи студ. Ивана Григоровича, подъ заглавіемъ: „Предисловія къ южно-русскимъ церковно-славянскимъ книгамъ XVII вѣка“.*

„Предисловія или „предмовы“ находились при каждой почти церковно-славянской книгѣ, выходившей изъ южно-русскихъ типографій въ XVII вѣкѣ и нерѣдко отличались весьма значительнымъ объемомъ. Всѣ они могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: къ первой относятся предисловія къ богослужебнымъ книгамъ, излагающія свѣдѣнія о состояніи и исправленіи богослужебныхъ книгъ и церковной обрядности XVII вѣка на югѣ Россіи; вторую группу составляютъ такъ называемыя „посвятительныя до магнатовъ“ предисловія панегирическаго характера. Предисловія первой группы представляютъ разъясненіе слѣдующихъ трехъ пунктовъ относительно вопроса объ исправленіи южно-русскихъ богослужебныхъ книгъ и церковной обрядности въ XVII вѣкѣ: 1) что было сдѣлано тогдашними пастырями церкви и вообще всѣми ревнителями чистоты православнаго богослуженія для исправленія богослужебныхъ книгъ и церковной обрядности; 2) какими началами руководствовались и какимъ путемъ шли исправители къ своей

цѣли, и 3) какое значеніе имѣли ихъ труды. Изобразивъ упадокъ церковной обрядности и порчу богослужебныхъ книгъ южно-русской церкви преимущественно на основаніи изслѣдованія г. Крыжановскаго,—авторъ сочиненія подробно разсматриваетъ предисловія первой группы по намѣченнымъ тремъ пунктамъ и въ заключеніе приходитъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ: 1) южно-русскія богослужебныя книги и церковная обрядность, разстроеныя вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ южно-русской церкви, постоянно вызывали со стороны ревнителей чистоты православнаго богослуженія такія или иныя заботы объ ихъ исправленіи и усовершенствованіи. Къ такимъ ревнителямъ, между прочимъ, относятся Львовскіе епископы Гedeонъ Балабанъ и Арсеній Желиборскій, братства Виленское и Острожское, Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, Кіево-Печерскій архимандритъ Іосифъ Тризна, Львовское братство и др. 2) Направленій, которымъ слѣдовали исправители южно-русскихъ богослужебныхъ книгъ и церковной обрядности въ теченіи XVII вѣка было два. Сначала въ первой половинѣ XVII вѣка, исправители богослужебныхъ книгъ руководствовались въ своемъ трудѣ началами чисто механическими и односторонними,—соглашеніемъ славянскихъ редакцій богослужебныхъ книгъ подъ руководствомъ церкви греческой, вслѣдствіе чего и труды ихъ ограничивались приспособленіемъ различныхъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ къ книгамъ греческимъ, какъ ихъ первообразу. Но внутренняя сторона православныхъ богослужебныхъ книгъ, логическій смыслъ и полнота ихъ оставались въ покоѣ. Другое направленіе въ исправленіи южно-русскихъ богослужебныхъ книгъ и церковной обрядности, начало которому положилъ Петръ Могила, состояло, въ противоположность первому, въ уразумѣніи смысла и цѣли извѣстнаго церковнаго молитвословія или обряда. Слѣдуя этому направленію, исправители богослужебныхъ книгъ принимали за критерій своихъ трудовъ не повсемѣстность

церковныхъ возслѣдованій и обрядовъ, насколько она согласна съ греческими богослужебными книгами, а ихъ полноту, ихъ значеніе для жизни христіанина, ихъ оживляющую мысль. Петру Могила слѣдовали исправители богослужебныхъ книгъ до самого конца ХѴІІ вѣка. — Второго рода предисловія, „посвятительныя до магнатовъ“ встрѣчаются въ книгахъ самаго разнообразнаго содержанія и характера: они прилагались и къ книгамъ богослужебнымъ и къ книгамъ догматическаго и нравоучительнаго характера, и къ сборникамъ проповѣдей и т. д. Обычными побужденіями для составленія подобныхъ посвятительныхъ предисловій были съ одной стороны благодарность магнату за оказанныя имъ автору или издателю услуги, а съ другой желаніе вызвать магната или потомковъ на новыя благодѣянія. Этими побужденіями опредѣлялся и внутренній характеръ посвятительныхъ предисловій, которыя суть не что иное, какъ панегирики духовнымъ и свѣтскимъ магнатамъ, основанные преимущественно на истолкованіи гербовъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, панегирическія предисловія могутъ имѣть значительный научный интересъ какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ. По содержанію панегирическія предисловія служили выразителями тѣхъ идеаловъ, какіе царили въ современномъ имъ обществѣ, выставляя на видъ такія достоинства патрона, которыя могли бы сему послѣднему особенно нравиться и которыя самъ панегиристъ считалъ за особенно цѣнныя. То были природныя качества „старожитность и благородство“, и личныя достоинства — „религіозность“ въ смыслѣ устойчивости въ нѣдрахъ православной церкви, и „воинственность“, въ смыслѣ браанныхъ подвиговъ противъ враговъ христіанства и въ интересахъ государственныхъ, выводимыя преимущественно изъ толкованія гербовъ магнатовъ. Что касается формы изложенія посвятительныхъ предисловій, то въ нихъ какъ нельзя болѣе отразилось то схоластическое направленіе учености, какое было господствующимъ въ то время во всѣхъ южно-

русскихъ школахъ и вообще во всей южно-русской литературѣ. Съ этихъ точекъ зрѣнія авторъ изслѣдованія рассматриваетъ между прочимъ, посвяtitельныя предисловія архимандриту Іосифу Тризнѣ, панамъ Дмитрію и Даніилу Балабавамъ, Проскурѣ Сущанскому и Богдану Стеткевичу Любомірскому, князю Юрію Чарторыжскому, пану Григорію Далмату, паниѣ Аннѣ Могиляннѣ, Львовскому епископу Арсенію Желиборскому, царю Алексѣю Михайловичу, князьямъ Вишневецкимъ, Петру Могилѣ, царевнѣ Софѣ Алексѣевнѣ, печерскому архимандриту Иннокентію Гизелю и др., пользуясь въ этомъ отдѣлѣ своего сочиненія изслѣдованіемъ С. Голубева, подѣ заглавіемъ: „Описаніе и истолкованіе дворянскихъ гербовъ южно-русскихъ фамилій въ произведеніяхъ духовныхъ писателей XVІІ вѣка“. Подводя итоги изслѣдованію студента Григоровича, мы должны сказать, что научные результаты изслѣдованія представляются незначительными. Да иначе и быть не могло при разбросанности южно-русскихъ церковно-славянскихъ книгъ и скудости содержания предисловій. При назначеніи темы изслѣдованія, имѣлся въ виду весь книжный матеріалъ, долженствующій поступить въ академическую бібліотеку изъ монастырей и церквей Кіевской и Волынской епархіи. Но независимымъ отъ автора обстоятельствамъ, онъ долженъ былъ ограничиться церковно-славянскими книгами Кіевскихъ бібліотекъ и пересмотрѣлъ ихъ нѣсколько сотенъ; но не имѣлъ возможности пользоваться требниками Виленскими, весьма важными въ исторіи южно-русской обрядности XVІІ вѣка. Несмотря на такіе пробѣлы, наличный книжный матеріалъ, коимъ пользовался авторъ, все-таки былъ довольно значителенъ и въ своемъ родѣ оригиналенъ, представляя массу такихъ южно-русскихъ книгъ, какія не имѣлись въ виду нашими бібліографами Сопиковымъ, Строевымъ и др. Нашъ авторъ, по слѣдамъ Строева, могъ бы ограничиться только описаніемъ неизвѣстныхъ доселѣ въ бібліографіи книжныхъ предисловій и извлеченіями изъ нихъ; но онъ не

хотѣлъ этимъ ограничиться и даже вовсе не приложилъ къ своему изслѣдованію хронологическаго указателя извѣстныхъ ему предисловій, а взамѣнъ того представилъ въ первой части своего изслѣдованія систематическій обзоръ предисловій, касающихся состоянія и исправленія богослужебныхъ южно-русскихъ книгъ ХVІІ вѣка, а во второй— анализъ характеристическихъ чертъ посвяtitельныхъ предисловій со стороны ихъ содержанія и формы. Первая часть изслѣдованія обработана тщательно и, не смотря на неизбежныя пробѣлы въ частностяхъ, въ общемъ рисуетъ довольно полную картину состоянія и исправленія богослужебныхъ книгъ, богослуженія и обрядовъ южно-русской церкви ХVІІ вѣка. Менѣе самостоятельна и обстоятельна, по моему мнѣнію, вторая часть изслѣдованія, хотя и здѣсь есть значительная доля труда автора и обстоятельности изслѣдованія. Напр. трудно согласиться съ мнѣніемъ автора, будто-бы изображенія гербовъ и герботолкованія въ посвяtitельныхъ предисловіяхъ не имѣютъ большаго научнаго значенія въ настоящее время. Мы имѣемъ польскій „Herbarz“ Несѣцкаго, служащій справочной книгой для историковъ бывшей Польши и юго-западной и западной Россіи, и полагаемъ, что геральдика въ предисловіяхъ къ южно-русскимъ церковнымъ книгамъ ХVІІ вѣка, могла бы сказать намъ о количествѣ и происхожденіи православныхъ южно-русскихъ родовъ, о тогдашнемъ ихъ покровительствѣ православной русской церкви, объ ихъ связяхъ съ польскими магнатами, объ ихъ измѣнѣ православію и русской народности и подобныхъ тому историко-бытовыхъ обстоятельствахъ. Не хочется также вѣрить тому, будто бы составители книжныхъ предисловій ХVІІ вѣка преслѣдовали почти исключительно личные утилитарныя цѣли: въ самомъ изслѣдованіи есть выдержки изъ предисловій, въ которыхъ высказывается заботливость ихъ авторовъ о пользѣ мѣстной православной церкви.—Послѣ сдѣланной мною оцѣнки сочиненія я нахожу его удовлетворительнымъ“.

Протоколы.

в: *О сочиненіи студ. Павла Горностаева, подъ заглавіемъ: „Болгарскій элементъ въ русской литературѣ“.*

„Исходнымъ пунктомъ сочиненія служатъ родственныя связи и сношенія Россіи съ Болгаріей и особенно послѣдняя русско-турецкая война за болгаръ, представляющаяся въ нѣкоторомъ родѣ возмездіемъ за то умственное наслѣдіе, какое получила Россія отъ Болгаріи въ началѣ своего политическаго существованія. Самое сочиненіе раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ въ первой части излагается исторія болгарской литературы на ея родинѣ, въ самой Болгаріи, а во второй части говорится о переходѣ болгарской литературы въ Россію и значеніи ея здѣсь. Въ Болгаріи исторія ея литературы можетъ быть раздѣлена на три періода: первый періодъ обнимаетъ время царей Бориса и Симеона, замѣчательное особеннымъ возбужденіемъ умственной и литературной дѣятельности, до 927 года; второй періодъ есть періодъ упадка древне-болгарской литературы при царяхъ Петрѣ и Самуилѣ, 927 по 1018 годъ, ознаменованный особеннымъ развитіемъ богомилства,—третій періодъ болгарской литературы начинается съ Іоанна Асѣвъ II, 1218 года, и продолжается до паденія болгарскаго царства въ 1389 году. Представителями этого періода были Θεодосій и Евѣмій, патріархи Терновскіе, Константинъ Костенчскій и митрополиты Кипріанъ и Григорій Цамблакъ, изъ коихъ послѣдніе двое перешли въ Россію. Почти вся болгарская литература въ разное время и разными путями перешла въ Россію, почти здѣсь только и сохранилась и легла въ основу древне-русской литературы. Особенную важность для Россіи имѣли произведенія перваго періода болгарской литературы. Памятники болгарской литературы, перешедшіе въ Россію, авторъ сочиненія разсматриваетъ по группамъ и дѣлитъ на слѣдующіе отдѣлы: 1) богослужебныхъ книгъ; 2) книгъ, заключающихъ въ себѣ христіанское вѣроученіе; 3) памятниковъ проповѣдничества; 4) каноническаго права; 5) историческихъ сочиненій и 6) произведеній

фантазіи Частію эти памятники были переводные, частію оригинальные: но тѣ и другіе служили воспитательнымъ средствомъ для нашихъ предковъ и положили начало такимъ же отдѣламъ въ нашей русской литературѣ, которая долгое время была подражаніемъ готовымъ образцамъ, перешедшимъ къ намъ изъ Болгаріи. Не ограничиваясь очеркомъ отдѣловъ болгарской литературы, перешедшей въ Россію, авторъ нерѣдко разсматриваетъ русскіе памятники, на которыхъ отразилось вліяніе болгарской переводной или самостоятельной литературы. Такимъ образомъ границы изслѣдованія расширяются до громадныхъ размѣровъ и потребовали отъ автора много труда и хлопотъ. Поражаетъ громадное число источниковъ, съ которыми приходилось автору имѣть дѣло, хотя въ иныхъ случаяхъ и не указаны послѣдніе извѣстныя послѣдованія, а въ другихъ авторъ пользуется не важными источниками. Общій планъ сочиненія довольно логиченъ и естественъ. Худшую сторону сочиненія составляетъ языкъ, мѣстами неточный и неумѣлый и недостатки языка еще болѣе увеличиваются отъ погрѣшностей переписчика, оставшихся неисправленными. Впрочемъ, въ виду достоинствъ содержанія и плана сочиненія, оно можетъ быть признано хорошимъ и удовлетворяющимъ предназначенной цѣли“.

Отзывъ экстраординарнаго профессора Петра Лаишарева: о сочиненіи студ. Данила Понятовскаго, подъ заглавіемъ: „Постановленія Московскаго собора 1667 года и ихъ значеніе въ исторіи русскаго церковнаго законодательства“.

„Сочиненіе студента Понятовскаго имѣетъ задачей своею разъяснить ту связь, въ какой стояла дѣятельность знаменитаго Московскаго собора съ предшествовавшею ему и послѣдующею исторіею русскаго церковнаго законодательства. Въ виду этой задачи авторъ обращаетъ исключительное вниманіе на тѣ изъ постановленій соборныхъ, которыя представляютъ собою подтвержденіе, дальнѣйшее

развитіе, или видоизмѣненіе и отмѣну постановленій, состоявшихся или дѣйствовавшихъ до собора и которыя въ свою очередь были подтверждаемы, видоизмѣняемы или отмѣняемы постановленіями послѣдующаго времени. Такого свойства постановленія онъ находитъ въ извѣстныхъ постановленіяхъ упомянутаго собора относительно раскола, богослуженія, монашества, бѣлаго духовенства, церковной собственности и суда церковнаго. Остановливаясь надъ каждымъ постановленіемъ въ частности, авторъ наслѣживаетъ по возможности самое первоначальное появленіе его въ русской церковной жизни въ такомъ или другомъ видѣ, излагаетъ его исторію до собора 1667 года включительно, а за тѣмъ знакомитъ съ его судьбою послѣ собора до настоящаго времени. Общій выводъ, къ которому приходитъ онъ путемъ такихъ изслѣдованій, выражается въ его воззрѣніи на означенный соборъ какъ на послѣдній, заключительный актъ древней русской церковной жизни и начало новой, принявшей со времени собора болѣе или менѣе опредѣленное направленіе. Чтобы выполнить сколько нибудь удовлетворительно подобную задачу и оправдать такое воззрѣніе на предметъ изслѣдованія, нужно было употребить много труда. Авторъ съ своей стороны и не жалѣлъ его. Онъ старался ознакомиться, насколько доставало у него времени и средствъ, со всѣмъ обширнымъ кругомъ главнѣйшихъ источниковъ по исторіи русскаго церковнаго законодательства; и хотя въ частности сочиненіе его не чуждо недосмотровъ,—для степени кандидата можетъ быть признано удовлетворительнымъ (4)⁴.

Отзывъ доцента В. Мамнина о сочиненіи студ. Александра Орлова подъ заглавіемъ: „Разговоры Фенелона о краснорѣчіи“.

„Содержаніе изслѣдованія слѣдующее: послѣ краткой біографіи Фенелона авторъ представляетъ общее опредѣленіе значенія „Разговоровъ“ Фенелона, что „они являются

однимъ изъ сочиненій полезныхъ и справедливо рекомендуемыхъ для литературнаго изученія. Соединяя вмѣстѣ свѣтское и церковное, древнее и современное краснорѣчіе, они не только даютъ возможность узнать духъ доктрины Платона и Цицерона о краснорѣчій, но излагаютъ и принципы, которые могутъ обезпечить успѣхъ евангельской проповѣди“ и проч.

Потомъ авторъ старается опредѣлить время написанія „Разговоровъ“ и находитъ наиболее сообразнымъ съ обстоятельствами времени и жизни Фенелона приурочить „Разговоры“ ко времени между 1681—1686 г.г.

Далѣе слѣдуетъ общее замѣчаніе о характерѣ „Разговоровъ“ Фенелона и его взглядѣ на свойства церковной проповѣди съ отдѣльными критическими замѣчаніями автора.

Изложеніе содержанія „Разговоровъ“, слѣдующее за общими замѣчаніями о нихъ, сдѣлано обстоятельно и подробно. Эта часть сочиненія наиболее важна, какъ выясняющая взгляды на задачу и свойства краснорѣчія вообще и церковнаго въ частности такого замѣчательнаго теоретика и практика—оратора, какимъ является Фенелонъ. Современные духовные ораторы въ „Разговорахъ“ Фенелона найдутъ много убѣдительныхъ указаній на возможную и желательную постановку проповѣднаго слова.

Въ заключеніе авторъ критически разбираетъ нѣкоторые пункты „Разговоровъ“, какъ напр. мнѣніе Фенелона о дѣленіи, импровизаціи и т. п.

Изъ этого обзорѣнія содержанія изслѣдованія видно, что авторъ постарался добросовѣстно изучить избранный предметъ.

Но нельзя не отмѣтить и существенныхъ недостатковъ. Такъ авторъ не представилъ очерка современной Фенелону проповѣди и господствующей въ то время теоріи проповѣдничества. Такой очеркъ является тѣмъ болѣе необходимымъ, что, по признанію самаго автора изслѣдованія, „Разговоры

о краснорѣчіи написаны подъ вліяніемъ Боссюэта и Флѣри“, что характеръ „Разговоровъ“ полемическій“, что въ нихъ „Фенелонъ“ нападаетъ на современныхъ проповѣдниковъ“. Въ чемъ состояло вліяніе Боссюэта и Флѣри и какъ оно отразилось на „Разговорахъ“, нигдѣ не видно. Равнымъ образомъ отдѣльныя замѣчанія, что такое то мѣсто направлено противъ такого-то проповѣдника, не могутъ замѣнить очерка современнаго состоянія проповѣди и отсутствіе такого очерка постоянно мѣшаетъ пониманію „Разговоровъ“ и ихъ значенія въ исторіи теоріи проповѣдничества. Самое изложеніе содержанія „Разговоровъ“ болѣе походитъ на переводъ, чѣмъ на ученый анализъ. Отсюда крайности и увлеченія Фенелона, встрѣчающіяся по мѣстамъ, остаются не выясненными, тѣмъ болѣе, что авторъ изслѣдованія свои критическія замѣчанія, вообще не многочисленныя, направляетъ только на пункты „Разговоровъ“, наиболѣе несогласныя съ его собственнымъ воззрѣніемъ.

Указанные недостатки впрочемъ въ значительной степени зависѣли отъ недостатка пособій. Въ виду этого, какъ и въ виду того, что авторъ добросовѣстно ознакомился съ подлинникомъ „Разговоровъ“ Фенелона и изложилъ результаты своего знакомства языкомъ яснымъ и въ большинствѣ случаевъ точнымъ, сочиненіе г. Орлова, по моему мнѣнію, можетъ быть признано удовлетворительнымъ для полученія степени кандидата“.

Отзывъ доцента Николая Дроздова о сочиненіи студента Петра Фиделина на тему: „священникъ въ семейной и общественной жизни“.

„Сочиненіе г. Фиделина состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ изъ нихъ, составляющемъ какъ бы введеніе, авторъ представляетъ, по его собственному выраженію, „доказательства о необходимости пастырскаго служенія, происходящія изъ природы вещей, изъ простыхъ человѣческихъ соображеній“, и затѣмъ рассматриваетъ это слу-

женіе, какъ „учрежденіе каноническое или божественное, имѣющее положительныя основанія для своего существованія“. При этомъ онъ разбираетъ мнѣнія квакеровъ и лѣк-
торыхъ частныхъ лицъ, въ особенности Неандера, „возра-
жающихъ противъ существованія особыхъ спеціальныхъ
для пастырскаго служенія людей, которые только и могутъ
быть въ ближайшемъ отношеніи къ Богу“. Отсюда авторъ
очень естественно переходитъ къ выясненію важности и
достоинства пастырскаго служенія и указываетъ полезность
его какъ для самихъ пастырей, такъ и для пасомыхъ. Ос-
новываясь главнымъ образомъ на словахъ св. Іоанна Злато-
уста и Григорія Богослова, онъ старается доказать, что
пастырское служеніе выше всѣхъ другихъ служеній. Тѣмъ
не менѣе уже самая важность пастырскаго служенія дѣ-
лаетъ его въ высшей степени труднымъ. Нѣтъ служенія,
которое представляло бы больше трудностей, „гдѣ можно
было бы переносить больше скорбей и страданій, какъ
священническое служеніе“. Поэтому далеко не всякій спо-
способенъ къ прохожденію пастырскаго служенія, а только
тотъ, кто имѣетъ призваніе и кто надлежащимъ образомъ
приготовилъ себя къ этому служенію.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, къ сожа-
ленію, слишкомъ подробныхъ и растянутыхъ, авторъ на-
черчиваетъ идеаль семейной жизни священника. Доказавъ
что безбрачіе не обязательно для священника и выяснивъ
благотворное вліяніе семейной жизни какъ на самаго свя-
щенника, такъ и паству, авторъ ставитъ общее положеніе,
что священникъ долженъ быть образцомъ для паствы, какъ
отецъ семейства, и что онъ болѣе другихъ христіанъ дол-
женъ заботиться о томъ, чтобы возводить всѣхъ членовъ
своего семейства на высоту нравственнаго совершенства.
Высокому служенію пастыря церкви должны соответство-
вать и нравственныя качества всѣхъ его домочадцевъ,—
жены, дѣтей, прислуги и даже внѣшняя обстановка жизни
священника. Вся обстановка его дома и самая одежда свя-

щенника должны отличаться благопристойностію. Время, свободное отъ исполненія прямыхъ пастырскихъ обязанностей, священникъ можетъ употреблять на такія занятія, которыя не унижали бы высокаго достоинства его сана и не роняли бы его авторитета въ глазахъ паствы, каковы: чтеніе литературныхъ произведеній, занятіе науками, особенно богословіемъ, исторіею, естествознаніемъ, медициною, авторство, живопись, музыка, пѣніе, хозяйственныя занятія (особенно пчеловодство и садоводство). Но священникъ долженъ удалаться отъ спеціальныхъ занятій хозяйствомъ и грубыхъ трудовъ по земледѣлію, а особенно торговли, потому что это могло бы унижать его санъ. Какъ на развлеченія, доступныя для священника, авторъ указываетъ на бесѣды съ членами своей семьи и знакомыми, прогулки, музыку, пѣніе, посѣщеніе духовныхъ концертовъ, художественныхъ выставокъ и т. под. Вообще священникъ долженъ дозволять себѣ удовольствія только тихія и спокойныя, не производящія сильныхъ ощущеній и раздраженій.

Но дѣятельность пастыря церкви не ограничивается кругомъ его семейства; онъ долженъ жить и дѣйствовать среди народа и служить въ своей общественной жизни, также какъ и въ семейной, образцомъ для паствы. Свое ученіе онъ долженъ подтверждать примѣромъ своей жизни, при чемъ ему необходимо нужно обращать вниманіе на народное мнѣніе. Изъ нравственныхъ качествъ, по преимуществу обязательныхъ для священника, какъ для общественного дѣятеля, авторъ въ особенности останавливается на степенности, или сосредоточенности, для развитія которой можетъ служить уединеніе отъ міра, на миролюбіи, безкорыстіи, благотворительности, на проповѣди слова Божія, не ограничивающейся, по примѣру Іисуса Христа, ни временемъ, ни мѣстомъ, и на безукоризненно-честномъ прохожденіи особыхъ должностей, не имѣющихъ прямаго отношенія къ пастырскому служенію, каковы должности благо-

чинныхъ, депутатовъ на сѣздахъ духовенства, въ разныхъ земскихъ и государственныхъ учрежденіяхъ и т. под. Не смотря на всю пользу уединенія, оно не должно быть полнымъ,—священнику нужно быть въ постоянномъ общеніи съ міромъ, хотя въ отношеніи къ знакомствамъ ему слѣдуетъ быть весьма осторожнымъ и предпочитать всѣмъ другимъ общеніе съ товарищами по службѣ. Миролюбіе не должно склонять священника къ примиренію съ страстями и пороками міра. Благотворительность не должна ограничиваться оказаніемъ частной матеріальной помощи,—она должна имѣть болѣе широкій характеръ; средствомъ для этого можетъ служить учрежденіе попечительствъ, ссудосберегательныхъ кассъ и т. под. Но священникъ долженъ заботиться не столько о матеріальной помощи своимъ прихожанамъ, сколько объ ихъ духовныхъ интересахъ. Съ этою цѣлью ему слѣдуетъ, между прочимъ, какъ можно чаще посѣщать своихъ прихожанъ и вести съ ними частныя бесѣды о предметахъ христіанской религіи и нравственности. Занимая какую-либо должность внѣ церковной іерархіи, священникъ долженъ пользоваться своимъ положеніемъ, чтобы защищать интересы народа, ходатайствовать за должниковъ, за обвиняемыхъ и т. под. Вообще, „вездѣ, гдѣ бы священникъ ни находился, онъ долженъ стоять на евангельскомъ законѣ, показывать во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ духъ истины, мира и любви“.

При изслѣдованіи своего предмета авторъ основывается главнымъ образомъ на ученіи священнаго писанія и отцевъ церкви, на древне-церковной практикѣ и на различныхъ практическихъ-теоретическихъ соображеніяхъ. Однако мысли автора далеко не всегда имѣютъ желаемую твердость. Вслѣдствіе этого онъ иногда впадаетъ въ крайности и даже въ противорѣчія, что замѣчается, напр., при сопоставленіи его трактатовъ о важности и трудности пастырскаго служенія или о физическихъ трудахъ, изъ которыхъ нѣкоторые авторъ признаетъ унижительными для священническаго сана, хотя,

по его же словам „никакое занятіе физическимъ трудомъ не противно духу христіанскаго священническаго смиренія“. Представивши идеаль пастыря въ весьма возвышенныхъ чертахъ, авторъ, естественно, не нашелъ полного осуществленія его въ современной жизни и потому нерѣдко отзывается довольно рѣзко о жизни и дѣятельности современнаго духовенства. Но слабую сторону сочиненія составляетъ собственно изложеніе, и именно—замѣчаемое иногда отсутствіе строгаго систематическаго порядка, однообразіе и искусственность переходовъ, повторенія, растянutosть, шереховатость слога. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что авторъ много собралъ матеріала и съ усердіемъ и серьезно работалъ надъ нимъ, хотя, очевидно, и не имѣлъ времени съ одинаковымъ вниманіемъ отнестись ко всѣмъ частностямъ своего сочиненія. Поэтому я полагаю, что сочиненіе г. Фиделина можно признать удовлетворительнымъ для степени кандидата“.

Справка. Въ 12 § положенія объ испытаніяхъ на ученые степени сказано: „удовлетворительнымъ для степени кандидата признается разсужденіе, которое признано будетъ таковымъ по разсмотрѣніи въ подлежащемъ отдѣленіи“.

Постановлено: Изъ представленныхъ на степень кандидата разсужденій, согласно съ заключеніями отдѣленій, признать удовлетворительными для полученія означенной степени сочиненія слѣдующихъ студентовъ Ш-го курса: богословскаго отдѣленія—Петра Бѣляева, Петра Вельмина, Николая Фаворова, Ксенофонта Вознесенскаго, Андрея Стернова, Алексѣя Покровскаго, Михаила Писарева, свѣщ. Николая Кириллова и Θεοφана Ковальницкаго; церковно-историческаго отдѣленія—Димитрія Горлицына, Александра Розова, Михаила Илуридзе, Добре Ганчева, Ивана Макаревича, Никанора Грифцова, Георгія Садзагелова, Михаила Богоявленскаго и Павла Стратилатова; церковно-практическаго от-

дѣленія—Василія Нарбекова, Ивана Нарцисова, Василія Тимоѣева, Ивана Григоровича, Павла Горностаева, Давида Понятовскаго, Александра Орлова и Петра Фиделина: и притомъ изъ 26 одобренныхъ сочиненій признать очень удовлетворительными сочиненія пестри студентовъ: Бѣляева, Вельмина, Стернова, Фаворова, Писарева, свящ. Бирилова.

УП. Докладъ секретаря Совѣта Академіи Ивана Исаева: „Изъ представленныхъ въ Совѣтъ Академіи инспекторомъ ея вѣдомостей о поведеніи студентовъ, преподавателями списковъ съ баллами по семестровымъ сочиненіямъ ихъ и экзаменаціонными комиссіями списковъ съ обозначеніемъ достоинства устныхъ отвѣтовъ студентовъ на испытаніяхъ составлены для каждаго курса общія таблицы, заключающія въ себѣ сводъ всѣхъ балловъ, полученныхъ студентами за 1878/9 учебный годъ. Представляя при семъ эти таблицы съ подлинными списками, долгъ имѣю доложить слѣдующее:

Въ 1 курсѣ всѣхъ студентовъ 32. Изъ нихъ 28 студентовъ держали устные испытанія по всѣмъ восьми предметамъ этого курса и написали оба семестровыя сочиненія, получивъ по тѣмъ и другимъ всѣ удовлетворительныя баллы отъ 3 до 5, а въ среднемъ выводѣ изъ суммы балловъ отъ 3¹/₂ до 4¹/₂; за тѣмъ Лавр. Кузьминскій, бывшій воспитанникъ Холмской гимназіи, также держалъ испытаніе по всѣмъ предметамъ, но по греческому языку получилъ баллъ 2, хотя въ среднемъ выводѣ изъ суммы балловъ имѣетъ 3³/₄; двое—Дим. Страховскій и Георгій Соколовъ по болѣзни не держали испытанія только по свящ. писанію ветхаго завета и получили отсрочку до 1-го сентября; наконецъ одинъ Афанасій Осиенскій 18 минувшаго апрѣля получилъ отпускъ на родину вслѣдствіе разстроеннаго здоровья и не держалъ испытанія по всѣмъ предметамъ. Изъ всѣхъ 32 студентовъ 1 курса по инспекторской вѣдомости

за 187⁸/₉ учебный годъ имѣють по поведенію: 9 студентовъ баллъ 5, 4 студ. баллъ 4¹/₂, 11 студ. баллъ 4, 7 студ. баллъ 3¹/₂ и 1 студ. баллъ 3.

Во II курсѣ всѣхъ студентовъ 37. Изъ нихъ 33 студента сдали устные испытанія по всѣмъ девяти предметамъ этого курса и написали оба положенныя семестровыя сочиненія, получивъ по тѣмъ и другимъ всѣ удовлетворительныя баллы отъ 3 до 5 и въ среднемъ выводѣ изъ суммы балловъ отъ 3¹/₂ до 4¹/₅; трое не держали испытанія только по одному предмету: Ник. Маргаритовъ и Конст. Билецкій вслѣдствіе болѣзни по сваящ. писанію и Аристархъ Бутовскій по латинскому языку; наконецъ Матвѣй Ѳедоровъ (болгаринъ), не державшій испытанія въ маѣ 1878 года и по болѣзненному состоянію получившій отпускъ въ томъ же мѣсяцѣ, доселѣ не возвратился въ Академію, а по частнымъ извѣстіямъ онъ умеръ 14 ноября 1878 года. Изъ 36 наличныхъ студентовъ II курса, по инспекторской вѣдомости за истекшій 187⁸/₉ учебный годъ, имѣють по поведенію 12 студентовъ баллъ 5, 5 студент.—баллъ 4¹/₂, 16 студ. баллъ 4 и 3 студ. баллъ 3¹/₂.

Въ III курсѣ 28 студентовъ. Сдали испытаніе по всѣмъ предметамъ этого курса 26 студентовъ, а 2 студента не держали испытанія только по латинскому языку: Михаилъ Изурндзе и Георгій Садзагеловъ, которымъ, согласно съ прошеніемъ ихъ, дана отсрочка для сдачи этого экзамена до 1 сентября. По сведеніи балловъ III курса, вмѣстѣ съ баллами двухъ предшествовавшихъ годовъ, въ общую таблицу оказалось, что изъ 26 студентовъ, окончившихъ всѣ испытанія а) 23 студента по успѣхамъ въ наукахъ за три года, равно и по семестровымъ сочиненіямъ за два первые курса имѣють въ среднемъ выводѣ не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе 3 и въ III курсѣ написали на степень кандидата разсужденія, признанными удовлетворительными для этой степени отъ подлежащихъ отдѣленій Академіи; б) два студента Пв. Орловъ и Ник. Богослов-

скій имѣють такіе же удовлетворительные баллы, но не представили кандидатскаго сочиненія; в) Добре Ганчевъ (болгаринъ) представилъ на степень кандидата разсужденіе, признанное удовлетворительнымъ, но имѣеть средній общій баллъ недостаточный 3⁵/₇. По инспекторской вѣдомости за 1878/9 учебный годъ отмѣчены 12 студентовъ балломъ 5, 3 студента балломъ 4¹/₂. 9 студ. балломъ 4, 2 студ. балломъ 3¹/₂ и 2 студ. балломъ 3.

Справка. 1) По уст. дух. акад. § 88 А. 2. „переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ и оставленіе въ томъ же курсѣ“ относится къ дѣламъ, предоставляемымъ утвержденію общихъ собраній Совѣта Академіи.

2) Въ 136 § уст. дух. акад. сказано: „студенты, окончившіе въ третьемъ курсѣ испытаніе съ отличнымъ успѣхомъ и представившіе разсужденіе, признанное удовлетворительнымъ для степени кандидата переводятся въ четвертый курсъ; оказавшіе же на семъ испытаніи успѣхи, за которые, по положенію объ ученыхъ степеняхъ, могутъ получить только званіе дѣйствительнаго студента, въ четвертый курсъ не переводятся, но выпускаются изъ Академіи съ аттестатомъ на званіе дѣйствительнаго студента“.

3) Въ утвержденномъ въ 1874 году Св. Синодомъ положеніи объ испытаніяхъ на ученые степени пояснено: § 11. „Окончившимъ трехгодичный курсъ съ соотвѣтствующимъ § 136 успѣхомъ признаются студенты, получившіе какъ по общеобязательнымъ, такъ и по спеціальнымъ предметамъ академическаго курса, въ среднемъ выводѣ не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе 3“. Примѣчаніе 3-е. „Семестровыя сочиненія въ каждомъ изъ первыхъ трехъ курсовъ считаются за одинъ отдѣльный предметъ“. § 14 „Не удовлетворившими условіямъ для перевода въ IV курсъ признаются студенты, получившіе по предметамъ академическаго курса въ среднемъ выводѣ менѣе 4 или по одному предмету

менѣе 3, или же не удовлетворившіе требованіямъ относительно диссертациі“.

4) Указомъ Св. Синода отъ 7 мая 1873 года за № 1624 пояснено, что снисхожденіе къ иностранцамъ, оказываемое имъ согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ по опредѣленію Св. Синода отъ $\frac{11 \text{ марта}}{5 \text{ апрѣля}}$ 1869 года, не должно простирается на присужденіе имъ ученой степени; но по испытаніямъ они имѣютъ право только на ту ученую степень, какая будетъ соотвѣтствовать ихъ дѣйствительнымъ успѣхамъ.

5) Студенты III курса Мих. Илуридзе и Георг. Садзгеловъ, уроженцы Грузіи, воспитанники Тифлисской Семинаріи до поступленія въ Академію не обучались древнимъ классическимъ языкамъ и приняты въ студенты Академіи безъ сдачи пріемнаго испытанія по симъ языкамъ, на основаніи указа Св. Синода отъ 5 апрѣля 1872 года за № 518, съ обязательствомъ въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ академическаго курса изучить одинъ изъ древнихъ языковъ, безъ исполненія чего они не могутъ быть переведены въ IV курсъ Академіи. Но оба они испытанія по латинскому языку не сдали по болѣзни.

Постановлено: Полученный студентомъ 1-го курса Лавр. Кузьминскимъ неудовлетворительный баллъ 2 по греческому языку не считать препятствіемъ къ переводу въ слѣдующій курсъ, какъ потому, что преподаваніе сего предмета продолжается три года, такъ потому, что по всѣмъ другимъ предметамъ этотъ студентъ имѣетъ удовлетворительные баллы и въ среднемъ выводѣ изъ суммы балловъ $3\frac{1}{2}$. Всѣхъ студентовъ, представившихъ положенныя семестровыя сочиненія и сдавшихъ испытаніе за 1878, учебный годъ по всѣмъ предметамъ своего курса удовлетворительно, перевести: а) во второй курсъ 29 студентовъ 1 курса богословскаго отдѣленія—Мих. Боголюбова, Петра Бородовскаго, А—ра Вишнева, Евлампія Красина, Алексѣя Меньшова, Филимона Мионовича, Алексѣя Соколова и Матвѣя Соколова; церковно-историческаго отдѣленія—Григ. Апраксина,

Романа Глухарева, Мих. Гнѣвушева, Ник. Знаменскаго, Лар. Кузьминскаго, Ник. Лебедевскаго, Филарета Ненадкевича, Семена Рудинскаго, Петра Смирнова, Олимпа Соколова и Θεод. Царевскаго; церковно-практическаго отдѣленія—Вас. Березина, Як. Горожанскаго, Василя Знаменскаго, Георг. Молчановскаго, Епифанія Нестеровскаго, Вас. Семова, Вас. Терпиловскаго, Павла Чистосердова, Стеф. Чпжевскаго и Павла Холуйскаго; б) въ третій курсъ 33 студента II курса: богословскаго отдѣленія—Иларіона Балабушевича, Александра Булгакова, Ник. Дубровскаго, Петра Калачинскаго, Алексѣя Мирожина, Ив. Олесницкаго, Игнатія Чемену и Ив. Яновскаго; церковно-историческаго отдѣленія—Ананію Балковскаго, Ник. Булатова, Алексѣя Бурневскаго, Конст. Доброловскаго, Стеф. Ефимьева, Ст. Зубковича, Павла Лукьяновича, Ник. Любарскаго, Павла Марковскаго, Мих. Орлина, Пав. Петрушевскаго, Аристарха Саббатовскаго, Дим. Серединскаго, Симеона Трегубова и Ник. Хойнацкаго; церковно-практическаго отдѣленія—Георгія Андриѣвскаго, Андрея Балановскаго, Ивана Копаневича, Егора Ливотова, Алексѣя Майеранова, Вас. Пашчевскаго, Ник. Стасиневича, Конст. Тимковскаго, Влад. Тыминскаго и Мих. Черика; в) въ четвертый курсъ 23 студента III курса, сочиненія которыхъ, написанныя въ семь курсъ, признаны удовлетворительными для полученія степени кандидата и которые за три курса какъ по общеобязательнымъ такъ и по спеціальнымъ предметамъ своего отдѣленія получили въ среднемъ выводѣ не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе 3, а именно: богословскаго отдѣленія—Петра Бѣляева, Петра Вельмина, Ксенофонта Вознесенскаго, свящ. Ник. Кприлова, Θεοφана Ковальницкаго, Мих. Писарева, Алексѣя Покровскаго, Андрея Стернова и Ник. Фаворова; церковно-историческаго отдѣленія — Мих. Богоявленскаго, Дим. Горлицына, Никанора Грифцова, Ив. Макаревича, А—ра Розова и Павла Стратилатова; церковно-практическаго отдѣленія—Ив. Григоровича, Павла Горностаева, Вас. Нар-

бекова, А—ра Орлова, Дан. Поянтоваго, Петра Фиделина, Ивана Нарциссова, и Вас. Тимофеева. Затѣмъ студентовъ III курса Добре Ганчева (болгарина), имѣющаго недостаточный средній общій баллъ, Ив. Орлова и Ник. Богословскаго, не представившихъ разсужденія на степень кандидата, выпустить изъ Академіи съ званіемъ дѣйствительнаго студента; а студента II курса Мат. Ѳедорова (болгарина) исключить изъ списка студентовъ Академіи. Наконецъ о тѣхъ студентахъ, которые за болѣзнію не сдавали экзамена по всѣмъ или по нѣкоторымъ предметамъ того или другаго курса, именно I курса Аѳ. Осинскомъ, Дмитр. Страховскомъ, Георг. Соколовъ, II курса Аристархъ Бутовскомъ, Ник. Маргаритовъ, Конст. Билецкомъ, III курса Мих. Илуридзе и Георг. Садзагеловъ имѣтъ сужденіе въ одномъ изъ засѣданій Совѣта Академіи въ началѣ учебнаго года, по исполненіи сими студентами лежащихъ на нихъ обязательствъ.

На семъ журналѣ резолюція Высокопреосвященнѣйшаго Филофея, Митрополита Кіевскаго такая: „4 іюля 1879. Согласенъ“.
